

Н. Н. ЧЕБЫШЁВ

Близкая даль

<Фрагменты>

*26 сентября**

Сидел утром у Врангеля в вагоне... Во время обеда приносили телеграммы и шли разговоры по прямому проводу. Врангель вызывал к проводу Кутепова... Что произошло — неизвестно; о дурных вестях он не любит говорить.

27 сентября.

После 5-часового чая ходил с Врангелем гулять по полотну в степь. Врангель ходил сам проверять, исполнено ли его приказание относительно охраны поезда с трофеями, где снаряды. Прошли полторы версты.

29 октября

В это время ко мне вышел Врангель. Отвел меня в кабинет.

— Наше дерево было здоровым, оно подсечено обстоятельствами, от нас не зависящими, подавляющим превосходством сил.

Он кусал носовой платок, но говорил спокойно. Глядя на меня, что-то соображал.

— Александр Васильевич сейчас едет, поезжайте с ним, подымете шум в иностранных газетах — надо подготовить Европу к принятию армии. На английском крейсере вы будете скорее в Константинополе.

Я простился с ним. Во дворце, снизу доверху освещенном, чувствовалось, что происходит что-то необычное, но все было прилично. Никто не волновался и не сутился...

*19 ноября***

Прибыл Врангель*** на «Корнилове»... Врангель сидел в большой кают-компании за длинным широким столом, на котором были

* 1920 г. События, происходившие на территории Северной Таврии и Крыма, занятой Русской армией генерала П. Н. Врангеля, автор датирует по официально действовавшему юлианскому календарю (старому стилю).

** Здесь и далее события, происходившие в Константинополе, автор датирует по григорианскому календарю (новому стилю).

*** В Константинополь.

разложены карандаши и бумага, как для заседания. На мой единственный вопрос Врангель ответил:

— Дела не брошу, буду бороться до конца. Армия не распадется, армия — это национальная Россия; около армии все могли бы объединиться — вот в нескольких словах мой план.

На лице Врангеля серый оттенок, в глазах — лихорадочный блеск...

23 ноября

Я спросил Врангеля, сохраняет ли он звание «правителя». Он ответил:

— Оно отпадает само собой. Был правитель Юга России. Нет Юга России как общерусской территории, неподвластной большевикам, стало быть, нет и правителя.

После довольно длинного разговора о конце Крыма Врангель немного помолчал и сказал:

— Теперь наступает минута, когда придется некоторое время, быть может довольно продолжительное, действовать не оружием, а словом, — в дело должна вступить печать.

* * *

Шли первые дни после крымской эвакуации. Врангель переживал тяжелое время; надо было втиснуть живую вооруженную силу, армию, в необычные условия заграничного «прозябания» на беженском положении и в то же время видоизменить условия так, чтобы армия сохранилась преимущественно как военная организация. Совещания проходили нервно, бурно.

Врангеля союзное командование не пускало на берег. В крайнем случае разрешало съехать куда-то далеко и гулять в штатском платье. Врангель отмахивался от таких «льгот».

— Они хотят, чтобы я разгуливал на берегу каким-то «Рокамболем». В этой каюте я бегаю как зверь в клетке в полном сознании бессилия что-нибудь сделать.

Почти через день я ездил к Врангелю. Он переехал уже на «Луккулл»*. Однажды я застал его в возбужденном состоянии. Он шагал по каюте и, вооружившись жестянкой коробкой, бил тараканов, бегавших по облицовке красного дерева. Врангель выразил удовольствие, что живет теперь среди темных стен. Среди них он отдыхал от белесоватой внутренней окраски «Корнилова».

— Я — как пленник. Не могу съехать на берег. Хотел осмотреть лазареты. Нельзя. Все под предлогом моей безопасности. А в действительности просто боятся, что я могу войти с кем-нибудь в связь. Хотел на Галлиполи и Лемнос ехать на «Луккулле». Нельзя. Везут

* Корабль.

на броненосце «Прованс», куда я не могу взять кого хочу. Я с ними резок, ругаюсь, а они меня обезоруживают, соглашаясь со мной. Возмущаются своим правительством, но указывают на то, что они солдаты и обязаны подчиняться приказаниям.

Врангель прочел мне письма, полученные от Струве и Кривошеина. Оба умоляют его не слагать власти. Кривошеин пишет, что Фош стоит за сохранение нашей армии как единственной вооруженной силы, посвятившей себя борьбе с большевиками.

Среди беженцев Врангель пользовался популярностью, которая передавалась иностранцам и местному населению. На улице его встречали радостные улыбки. В общественных местах, в садах оркестры, видя его, подымались с мест и играли Преображенский марш. Публика, в том числе иностранные офицеры, принимали участие в овациях.

